Р
К18

КАМЧАТКА

Литература • Краеведение

2017

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ

Р
К18

КАМЧАТКА

Литература • Краеведение

2017

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2017

ББК 84 (2Рос-рус)6
К18

КАМЧАТСКАЯ КРАЕВАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ С П КРАШЕНИННИКОВА
ИНВ № 1219701

АЖТАРМАЖ

Составитель и редактор А. А. Смышляев

На обложке: *художник Юлия Шингарева «Рождение Камчатки»*

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Камчатского края,
индивидуального предпринимателя С.П. Кожана
и Камчатского регионального отделения Союза писателей России

ISBN 978-5-906-904-16-4

© Министерство культуры
Камчатского края, 2017
© Холдинговая компания
«Новая книга», 2017,
дизайн, верстка
© Авторы, 2017

Елена ТАЗОВА

КРАСНЫЙ КОНДУИТ

Мы истину спешим облечь в слова,
В звучанье — смысл, а звуки —
в начертанье.
Но неизменно ускользает тайна,
Страшась нетерпеливого пера.
И лишь поэзии позволено одной
Остановить бегущее мгновенье.
И только с ней доступны нам прозренья
И истины возвышенной покой.

Елена Весна

Маленькое здание Камчатского филиала ТИГ ДВО РАН с покосившимися деревянными ступеньками крыльца, полутемные коридоры и малюсенькие кабинеты со старыми деревянными столами позапрошлого века — как вся эта обстановка могла вдохновлять человека на лирику, гражданские подвиги и научные открытия? А ведь не было и дня, когда бы он прожил его впустую. Такой добрый человек, с удивительно мягким сердцем и всегда улыбающимися глазами....

Сегодня мы встречаемся с молодой женщиной, умной и энергичной, у которой его глаза — с дочерью Роберта Савельевича Моисеева, Татьяной.

— Татьяна, ваш отец настолько многогранно талантлив, что просто не знаю, с чего начать разговор о нем. Он писал монографии, научные и публицистические статьи, прозаические и поэтические произведения, был редактором научных сборников и монографических публикаций. Как его хватало на все? Наблюдая за его работой, казалось, что это у всех других людей в сутках — 24 часа, а у него — 48.

— Это правда. Он всерьез занимался всем, за что бы ни брался, с только ему свойственной глубиной. При жизни он не любил давать интервью — на это уж точно ему не хватало времени. Придется мне взять это на себя. Постараюсь рассказать, как прекрасно уживался в нем легкий юмор литератора и серьезное научное мышление директора Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН.

Все мы родом из детства. От того, как ты прожил свое раннее детство, как прошло твоё взросление, будет многое зависеть в дальнейшем. Годы моего детства и юности прошли среди интеллигентов, научных сотрудников. Все были перспективные, идейные, грамотные, с различными задумками, индивидуалисты. Друзья родителей, которые к нам приходили, все время вели научные споры, беседы, дебаты. В доме у нас всегда было живо и интересно: часто проходили полноценные научные советы. В нашем семейном архиве осталось много фотографий этого периода. К нам приходило много известных людей того времени — бывали люди разных профессий, камчатские журналисты, архитекторы. Другом отца был Виктор Евгеньевич Круглов — лауреат Ленинской премии. При встрече они всегда что-то бурно обсуждали, спорили. Отца увлекала мыслительная деятельность. Всякая физическая домашняя и дачная работа ему по сути своей была не интересна, он просто выполнял ее механически, по необходимости, не задумываясь, потому что — надо. Сделать что-то по дому — для него было сродни подвигу. В семье мы шутили: «Папе можно было выдавать диплом о бытовой профнепригодности».

Дошло до того, что его лишили возможности вкручивать лампочки. Лампочки мама ему не доверяла — только зятю.

Работа — это и была его жизнь. Общественной деятельностью занимался, наукой, литературой. У него было свое особое расписание. Он ложился рано. Свою бессонницу использовал всегда продуктивно, по максимуму — просыпался в четыре утра, когда работоспособность его достигала максимума. Никто не мешал ему до семи утра. Ровно

в 7-00 начинали звонить друзья и коллеги по работе, обсуждали новости, затем он уезжал в институт.

Каждое его утро начиналось с заезда в здание областной администрации. Он был в курсе всего, что происходило в Камчатском крае, он сотрудничал непосредственно с руководителями из министерства экономики и министерства природных ресурсов. Характерной чертой в его работе всегда была необычайная скрупулезность, научная честность, стремление доходить до первоисточников и желание подкреплять открытия и выводы неоспоримыми аргументами и расчетами. Только теперь, с высоты прожитых лет, я вижу, что мы всегда больше рассматривали его как ученого, а к писательским его способностям относились несправедливо недооценено — как к увлечению, не более того. Хотя он с юности писал статьи, стихи и рассказы. С годами тексты его становились более аналитическими, зрелыми, они как бы взрослели вместе с ним. Отец рассказывал о своем жизненном опыте через своих героев. Герои его рассказов — обыкновенные люди, наши соседи, сослуживцы, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни. Писал так, что давал нам возможность посмотреть на себя как бы со стороны, заставлял задуматься над своим отношением к происходящим событиям, к людям. Его книги выходили всегда большим тиражом — более 15 000 экземпляров и на полках книжных магазинов не залеживались. Не скрою: сожалею о том, что мы, живя в семье, иногда больше были поглощены бытовыми проблемами. Не задавали ему вопросов о его творчестве, о том, легко ли дается ему писать, откуда у него такой интерес, такая страсть к литературе?

Нередко за письменным столом его можно было застать и на даче. Мы думали, что он пишет научные статьи, но ведь он писал и рассказы.

Вы знаете, он был очень наблюдательным, за каждым человеком всегда выстраивал свою личностную психоаналитическую историю. Думая о нем, анализируя его поступки, я многое начинаю понимать. Хочу рассказать один небольшой эпизод из жизни.

Я училась в Москве. В 1985 году очень много молодых людей ходило в ватниках, я не обращала на это внимания, возможно, что они причисляли себя к какому-то движению. Отец отметил это, потом в рассказе одел своего героя в ватник. Получается, он как бы подсмотрел персонаж на улице, среди людей. В его прозе и поэзии есть совершенно не вымышленные и даже откровенно семейные истории.

Роберт Савельевич Моисеев,
Петропавловск-Камчатский, 1990-е годы

Взять хотя бы рассказ о покупке золотых цепей в Москве. Я думаю, герои этого рассказа сразу себя узнают. История, основанная абсолютно на реальных событиях. Я думаю, что внимательный читатель по его рассказам может составить картину о среднестатистической семье, живущей на Камчатке, да и вообще, в России. Я, конечно, не литературный критик, но, на мой взгляд, это и есть главная ценность в его творчестве — умение нарисовать бытовой портрет, выделить обычного человека из толпы и подсветить его так, что поступки и черты характера заиграют новым светом, необычными гранями. Каждый рассказ моего отца — короткая, но интересная бытовая картинка.

Хотя, честно говоря, больше люблю его стихи. Он использовал разные литературные приемы. Часто встречаются метафоры и сравнения, олицетворения и юмор, порой доходящий до сарказма. Он писал стихи, как художник — картину, не надо долго мучиться, чтобы разглядеть суть вещей.

— *Какова направленность его стихов?*

— В первую очередь, конечно, папа был патриотом, ведь он писал не потому, что ему было нечем занять себя, а потому, что не мог

держать в себе свое отношение к процессам, происходящим в обществе. Я даже не побоюсь таких параллелей и сравню его с Сергеевым Михаилом Алексеевичем, который жил и работал на Камчатке на стыке XIX – XX веков. М. А. Сергеев был географом, экономистом, этнографом, писателем, известным исследователем российского Севера и Камчатки. Думаю, что отец был знаком со многими его трудами и даже был последователем научных исследований М. А. Сергеева — направления их деятельности во многом пересекаются, хотя жили и работали они в разное время.

Если вы знакомы со сборниками стихов Р. С. Моисеева, то могли заметить, что они содержат много патриотических, политических, глубоко гражданских стихов с огромным чувством ответственности, но в них есть и любовная лирика. Я иногда перечитываю, пытаюсь понять, в какой момент он написал то или иное стихотворение. Есть у него интересные, с юмором четверостишья и двустишья, когда он лежал в больнице - о медицине и о состоянии больного. Но, заметьте, это не песнь умирающего лебедя, не песнь ипохондрика или неврастеника — везде харизма, юмор и сама жизнь

…Сестра в короткой юбке
Нагнулась низко, делая укол.
Сестра давно ушла.
А жизни каждый рад.
И стар, и млад…

Потрясли меня его стихи о том, как он в 1991 году, совершая свое первое кругосветное путешествие, уехал из одной страны, а вернулся в другую.

Не могу не процитировать стихи «Мечты столичного либерала» — страдания по поводу того, что мы хотим в Европу, а нас туда до сих пор не пускают. Эта тема и сегодня актуальна, вызывает много споров. Разве нет? До сих пор, когда смотрю выступления либералов по телевидению – удивляюсь, насколько точно он описал их портреты 15 лет назад – ничего не изменилось. Классика жанра.

Ах, в Европу бы! Ах, в Европу!
Пусть воспримет Европа нас!
Пусть не сразу всех, пусть не скопом,
Но нас лично — быстрей и сейчас.

Разве можно сказать комичнее?

На Камчатке широко известен его сборник памфлетов, вышедший в 2005 году. В этот сборник включены газетные и журнальные статьи, которые появились на свет, как реакция на свежую информацию, которую отцу удавалось получать, находясь на совещаниях и ученых советах. Сборник имеет название, в котором сквозят нотки сарказма «Нас послали, а мы ещё тут».

Разве не понятен этот его горький гротеск?

Вместе с потрясающим юмором отец обладал цепкой памятью и прекрасным воображением.

Многим известен его рассказ «Обмен». Глубокий, не поверхностный, не описательный, а даже где-то по-шукшински надрывный, на первый взгляд простой и житейский, со всей гаммой чувств и сложных человеческих переживаний, понятный каждому.

— Татьяна, вы сказали, что отец постоянно писал. А что он любил читать? Какие произведения ему нравились как читателю.

— Его любимые книги, «натумбочные» — Чарлз Диккенс «Посмертные записки Пиквикского клуба» и чешского писателя Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Он читал и перечитывал — там тоже отражена вся действительность. Он любил зарубежную литературу.

Он читал и любил историю. Дома всегда хранилось огромное количество книг, куда бы мы ни переезжали, на первом месте была библиотека. Отец обладал замечательной памятью, фиксировал увиденное и прочитанное — все, что в дальнейшем могло служить науке. В его характере не было места житейской суете, он выписывал много изданий периодической печати, прочитывал с жадностью. С начала 1990-х годов его всерьез заинтересовало прогнозирование в науке, как будет развиваться экономика Камчатки, и, конечно, он понимал, что развитие экономического прогноза без оценки политической ситуации невозможно. Все можно спрогнозировать и просчитать, говорил он, понимая, что многие законы просто не будут работать.

— Я знаю, что его пытались покупать, шантажировать, дезориентировать. Предлагали различные хитрые темные схемы и «выгодные» контракты, но он способен был отказаться от всех благ для себя во имя пользы для государства.

На память приходит такой эпизод из жизни в период моего студенчества. Я училась и жила в Москве, мне очень нравилось там —

огромный мегаполис, большие возможности, столичная энергетика. Осенью 1986 года отец, будучи в Москве по рабочим вопросам, заезжал ко мне в университет. Провожая меня до метро, спросил: « Нравится тебе здесь?» И, подумав, многозначительно сказал: «А мы могли бы здесь жить». Только теперь я понимаю — его подпись на нужных документах в свое время была равносильна стоимости квартиры в Москве, но против совести он никогда не шёл.

И подобных ситуаций было много. В те годы, когда шли разногласия по строительству газопровода на Камчатке, он принимал активное участие в этих баталиях. Строить? Не строить? Как строить? У него была своя аргументация, честная позиция, которая с желаниями многих влиятельных людей в корне не совпадала. Начались откровенные преследования и угрозы. К нему подходили прямо на улице и говорили, что «мы знаем в какой садик внучка твоя ходит, подумай, надо ли тебе это» — это были прямые угрозы. Противники газопровода говорили: «Да-да-да, вы все правильно делаете». Отец понимал правоту своих действий, но, взвесив все «за» и «против», осознавал, что безопасность семьи ни в какое сравнение не идет с успехом любой государственной программы. Он очень дорожил близкими людьми, был безмерно ответственен перед семьей, никогда не стал бы рисковать.

Далеко не каждый человек способен пронести через всю жизнь свои незыблемые непоколебимые убеждения, ни разу их не нарушив.

У него же был свой красный кондуит. Конечно, это очень личное, о нем никто не знает, куда он записывал все казусы, ляпы, произнесенные на собраниях, в эфире. У него там были записаны двенадцать правил, которые он для себя выработал и строго придерживался. Он пришел к ним в течение своей жизни. Содержание правил выверены собственным опытом, правила по которым он жил, и понял, отчего нельзя отступаться. Он был уверен, что отступив от них, он будет уже не тем. Он был очень целостным, понимал, что ломать себя и жить с этим будет трудно. Он не мог отступить от принципов, хотя была возможность изменить материально жизнь свою и своих детей, внуков, но он не пошел на это. Многие этого не понимали, даже родные. Мне, как дочери, установки его были близки и понятны.

Он мог иметь больше, но сознательно отказывался от того, что противоречило его принципам. Это не бескомпромиссность, не глупая принципиальность — он был на редкость совестливый человек.

— *Говоря о семье, хочу спросить вас о матери Роберта Савельевича Анастасии Савельевне. Ваша бабушка была не с простой судьбой.*

— Да, Анастасия Савельевна была не простая бабуля, она состояла в партии, работала в типографии, биография ее вошла в первый сборник о женщинах Камчатки. Наша семья Моисеевых живет на Камчатке более ста лет, с 1906 года.

Бабуле было около одного года, когда ее привезли на Камчатку, но, я считаю, с нее и началась камчатская история нашей семьи Моисеевых. Со времени присоединения России к Камчатке прошло три века и две трети этого пути наша семья — здесь. Бабушка и отец сыграли большую роль для развития полуострова.

Бабушка Анастасия Савельевна умерла более полувека назад, в 1965 году, о ней мало говорили в нашей семье. Про деда вообще ничего не известно. Воспитывали нас бабушка и дед со стороны матери.

Кое-какую информацию удалось узнать от тети, родной сестры Роберта Савельевича — Клары Савельевны, она мне много рассказала о том, что происходило на самом деде. Я жила у тети Клары полтора года после десятого класса.

— *Почему, живя в России, бабушка Анастасия Савельевна выбрала такие непривычные для русского человека имена своим детям?*

— Имена Клара и Роберт возникли не просто так — это само по себе было большой редкостью — давать детям такие, как казалось в то время, вычурные имена. Анастасия научилась поздно читать, и книга, которая оказала на нее сильное воздействие, это «Пятнадцатилетний капитан». Оттуда и пошли имена Клара и Роберт. Бабушка оказалась в заключении, будучи беременной. Все не просто. Папа взял её отчество – она Савельевна и он Савельевич. Мы обращались в государственный архив Камчатского края к Елене Павловне Абрамовой, но следы теряются, ничего узнать не удалось. Знаем, что отец моего отца был белорусом. Мама же его была слишком закрыта для обсуждения этой темы. О родне по маминой линии мы всё знаем, а по папиной — провал.

Еще одна родственница, которая оказала большое влияние на формирование личности моего отца — это тётя Зинаида Кирилловна Логинова. Она жила в Елизово, была партийным работником. Они жили на ул. Красинцев, он ходил в детский сад на ул. Красинцев, потом они переехали и жили в районе стадиона «Спартак». Много лет семья жила на ул. Максутова, отец закончил 2-ю среднюю школу в

Петропавловске-Камчатском, летом все отдыхали в селе Паратунка на горячих источниках. У Анастасии Савельевны и Зинаиды Кирилловны была подруга Наталья Ивановна (Наталяна, так называл ее отец), у нее был муж военный. В 1933 году проходили зачистки, поголовные аресты военных, и из Ленинграда очень многие бежали на Дальний восток, чтобы не попадать в политические сталинские жернова. Наталяна училась в институте благородных девиц. По своей питерской интеллигентности она отличалась от коренного населения Камчатки и оказывала большое влияние на отца. Когда бабушка умерла, у него осталась Наталяна.

Можно сказать, папа получил женское воспитание. Несмотря на то, что в семье были одни женщины, маменькиным сынком он никогда не был. Переживал вместе с ними, принимал женские страдания, видел женское отношение к жизни — все это сформировало у него трепетное и уважительное отношение к женщине. Зная это, понимая и тонко чувствуя его, моя мама, Марианна, очень сильная личность, освободила его от всех житейских проблем и забот, и папа прекрасно понимал и ценил это. Кстати, в его поэтических сборниках есть баллада «Дачники» — это про маму.

— На работе у Роберта Савельевича был ежедневный мозговой штурм. Как он любил отдыхать?

— Вы не поверите, но, что такое отдыхающий папа, я не знаю. Он постоянно читал, работал, мыслил, рассчитывал, записывал, систематизировал, изучал. Мама не могла его вытащить в отпуск, лежать, как овощ на пляже он не мог, туристические маршруты его не привлекали. В молодости, в период геодезической практики, много ездил, работал в Мончегорске на золотоизвлекательной фабрике, кроме того до 1970-х годов он выезжал в туристические маршруты, ему всего этого хватило.

— Можно сказать,что Роберт Савельевич был совсем семейным и домашним?

— Нет, домашним он не был. Но, после свадьбы с мамой он «одомашнился» навсегда. У них был свой пеший маршрут – они ходили в Кроноцкий заповедник. В молодости он и по северам ездил, просто в какой-то момент ему это стало скучно и неинтересно. Вообще, он не экстремал, и никогда им не был, чувство безопасности, ответственности было сильно развито. Предпочитал жить без риска, по грани никогда не шел, не позволял себе рисковать семьей и домом.

В период строительства газопровода между его суждениями и желанием действующей власти были большие разногласия. Одни его выступления на радио тех лет чего стоят. Он ни к чему не призывал — просто говорил правду. Старался в простой доступной форме пояснять людям, каковы будут последствия принятых законов. После таких откровений люди готовы были идти на баррикады, менять власть. Он никогда не был революционером, никаких революционных задач перед собой не ставил, хотя люди были готовы идти за ним. Он показал себя крупным ученым, экономистом, историком, географом и талантливым литератором.

Сейчас мало кто помнит, что обещал нам Герман Греф 15–20 лет назад. А сейчас он выступает, критикует нашу страну, не придавая значения тому, что мы живем по его программе, написанной в 2000 году. Отец давал многим читать эту программу еще до того, как ее приняли и утвердили. Сколько было принято там законов, губительных для развития, сколько вреда повлекло за собой это «горе планирование», но народ отца не слышал. Сейчас люди словно прозрели, в наши дни мы на себе ощущаем последствия тех законов. В полной мере чувствуем, куда нас это привело.

Действительно говорят: нет пророков в своем отечестве. Кто способен увидеть и услышать на 20 лет вперед?

Способность анализировать и смотреть намного вперед присуща совсем немногим людям. Тот, кто не думает на 20 лет вперед, ничего не добьется. Нужно иметь смелость, заглянуть за горизонт, посмотреть в такое далекое, но такое близкое завтра.

Массовый читатель знаком с творчеством Р. С. Моисеева, в основном, по книге рассказов «Обыкновенные сюжеты» (1983), а также известна книга повестей и рассказов «И каждый день...». Удивительно, но многие читатели даже не догадывались, что такие глубокие, выверенные с литературной точки зрения произведения, написал учёный-экономист.

Отец в своих рассказах умел разглядеть человека обыкновенного в обыденной жизни, увидеть его внутренний мир и личные качества.

Роберт Савельевич всегда улыбался глазами, добрым был очень. С мамой они жили душа в душу, с годами становясь всё более похожими друг на друга от долгой, счастливой совместной жизни.

— Хочу спросить о внуках. Что в них отразилось, какие оттиски остались от деда?

— Жизнь так сложилась, что старшая внучка Мария жила долго вместе с дедом Робертом Савельевичем и бабушкой Марианной. Родилась Маша в 1993 году. С первых дней отец испытывал гордость от своего нового качества. Все трое внуков получали от него много любви, но особенно досталось Марусе. В те непростые для всей страны перестроечные годы я работала посменно, придя с работы, наблюдала, как отец подолгу играл с Марусей, заботился о ней, жил ее интересами. Потом Мария пошла в СШ № 11,она получала от него много любви: он готовил завтраки, во время завтраков были неспешные разговоры, переходящие в творческие посиделки. Он ей разрешал все. Апогеем свободомыслия был рецепт жареной картошки — он разрешал украшать блюдо - чем бы вы думали? - конструктором. Вместе они сочиняли рифмы, она ему рассказывала сказки. Общение с дедом во многом сформировало её личность. До того, как не стало деда, она любила общественную работу, мы думали, что она будет заниматься общественной деятельностью, как дед, но после его ухода она уехала в Москву и работает PR-менеджером.

Для нее дед — это значимая часть жизни, это, если хотите, образец мужчины. После его смерти у старшей дочки был психологический срыв. Согласитесь, редкое такое сочетание, что получилось прорастание дедушки и внучки. Теперь всех людей она воспринимает через

Роберт Моисеев с женой Марианной Яковлевной

призму его человеческих ценностей. После соприкосновения с такими людьми, как Роберт Савельевич, тяжело найти партнера по жизни.

Чтобы тоньше почувствовать Роберта Савельевича Моисеева как литератора, советую послушать интервью, которое писатель А. А. Смышляев на 65-летний юбилей брал у отца во время проведения мероприятия в литературной «Светёлке» в декабре 2004 года. Это была аудиозапись, возможно, она не сохранилась, но ответы на некоторые вопросы нас удивили, потому что были затронуты и такие темы, о которых мы тоже услышали впервые.

Известный писатель и краевед, бывший директор архива новейшей истории Камчатки Валентин Петрович Пустовит считает себя очень обязанным отцу. Он, во время преследования, долгие годы хранил свои рукописи у отца.

Вообще я удивляюсь, как у отца на все хватало времени. При этом он считал, что чем бы мужчина ни был занят и увлечен, основная его функция — содержать семью. Конечно, так получалось далеко не всегда.

Мама всегда прилично зарабатывала, она была хорошим проектировщиком, но чья зарплата больше, в семье никогда не обсуждалось.

Друзья говорили, что у Роберта есть одна женщина и одна любовь всей жизни, дома он звал ее Марьяша, а на людях представлял всем торжественно — Марианна. Он на нее всегда смотрел с нежностью и любовью. Столько лет, начиная с ЗАГСа и до последних дней. У них были доверие и любовь, они не отвлекались ни на что, что вносило бы беспокойство и тревогу в их жизнь.

Маме, я считаю, повезло — она счастливая женщина.

Существует целая легенда о том, как они встретились. Когда он был геодезистом, они познакомились летом в Малках. Мама, несмотря на то, что была маленькая, как Дюймовочка, имела сильный характер и математический склад ума. Она не спешила выйти замуж, поступила в институт в Комсомольске-на-Амуре, а он ходил к ее родителям все пять лет каждый день, как на работу. Сватался и пытался быть рядом. Она еще и выбирала, но в результате нам всем повезло — она выбрала его.

После Роберта Савельевича Моисеева осталось большое литературное наследие. Оно до сих пор полностью не изучено. В архиве у семьи Моисеевых есть законченные, но неопубликованные работы, огромная картотека.